

18+

Виктор Курчевский

Побасёнки

Виктор Курчевский

Побасёнки

«Издательские решения»

Курчевский В.

Побасёнки / В. Курчевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938959-6

Анекдоты и притчи в изложении рифмоплета. Живые картинки в стихах, с юмором рисующие сценки из нашей действительности, иронически отражающие нюансы сложных жизненных ситуаций, коллизии человеческих отношений. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938959-6

© Курчевский В.
© Издательские решения

Содержание

Побасёнки	6
Псалом 138	6
Король и шут	9
Дровосек	11
Национальные противоречия	14
Удовольствия жизни	16
Неоплаченные счета	17
Дорога в рай	19
Честный обмен	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Побасёнки

Виктор Курчевский

© Виктор Курчевский, 2021

ISBN 978-5-4493-8959-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Побасёнки

Побасёнка – короткий забавный, занимательный рассказец, сообщение; пустое, не заслуживающее внимания произведение.
Толковый словарь Д.Н. Ушакова

Псалом 138

*Любой священник – тоже человек,
Грехи земные и ему не чужды,
И коротая на земле недолгий век,
Он тоже познаёт мирские нужды.*

Устав нести расход на конском фураже,
И пост используя, как средство сбереженья,
По грошику скопил священник на «Порше»,
Причем без голода и головокруженья.

Теперь он на коне (то бишь на колесе)
Приход от края и до края рассекает.
А пастораль вокруг во всей своей красе,
К духовному растленью совращает.

И вот такой сюжет – однажды на пути,
Монахиня случайно повстречалась,
Не то чтоб хороша, не то чтоб не ахти,
Но бедрами приветить изловчалась.

Пастух заблудших душ, отец чистейших дум,
Священник наш на бедрах не мигает,
И мысленно уже жуя рахат-лукум,
К монастырю подбросить предлагает.

Монашка не смутясь, лодыжки оголив,
Как лань в «Порше» стремительно взлетела,
И ненароком, вдруг, её чудесный лиф,
Открыл кусочек чувственного тела.

Герой – не мёртв, не жив, его колотит дрожь,
Рука сама к бедру монахини упала.
Порыв сдержать не в силах, невтерпёж...
Слаба ты плоть, слаба, а ты, душа – достала!

Монахиня, чуть голову склонив,
Не скинув руку, не прикрыв лодыжки,
Лишь улыбнулась, рот ладошкой прикрыв,

И тихо молвила, держа с псалмами книжку:

«Вы, несомненно, пастырь для своих овец,
А в пастыря мы камень никогда не бросим.
Однако помнит ли отчетливо святой отец,
О чем гласит псалом 138?»

Толчок, удар, виляние руля,
Мотор «Порше» проснулся с осуждением.
Еще б одно мгновение и... Бля!
Какое счастье – жить под провиденьем!

Покрывшись краскою стыда, в смущенье,
Ещё слегка от возбуждения дрожа,
Священник стал молить монашку о прощенье,
Руками мертвой хваткой руль держа.

Проехали. Вокруг всё то же диво,
И то же рядом несравненное бедро...
Короче – все условия для рецидива!
Ну и отца святого снова понесло.

Рука его опять с руля упала,
И, как ни странно, снова на бедро,
И плоть, проклятая, опять разыграла,
Взыграла плоть и всё его нутро!..

Сестра, поднявши к небу взор,
Всё это приняла, как данность,
Её слова – совсем не приговор,
В них лишь смирение и гуманность:

«На помощь свыше в трудный час
Мы все в себе надежду носим.
Отец, Вы вспомнили сейчас
О чем псалом 138?»

И вновь – внезапное руля вилянье,
И осуждающий ревок «Порше»,
Души спасительное увещанье,
И мысль о жизни и гроше.

«Прости, сестра, прости, прости...
Дурман мои мозги окутал.
Нечистый бес в твоей плоти
Меня на миг совсем запутал».

В ответ – монахини покорный взор,
Призывно поднятый псалтырь,

И вздох тяжелый, как немой укор...
Но, к счастью, вот и монастырь.

Обратный путь нетерпелив,
«Порше» сочувственно задорен,
Табун из сотен лошадиных грив,
Реально жив, не иллюзорен.

Домой приехав, наш герой,
Немедля миг помчался в храм,
И возложив псалтырь на аналой,
Стал изучать псалмы по номерам.

И вот в конце, на девятнадцатой кафизме,
Прочтя монахиной означенный псалом,
Себя увидел, словно в преломленье призмы,
В обличии постыдном и срамном.

И вспомнил враз наставников наказы,
Которые воспринимались, как напасть:
Все время пополняйте ваших знаний базу,
Учите своевременно матчасть!

В псалме указано речением Творца,
Как наставление на жизненном пути:
«Иди в своем стремленье до конца,
И только так ты можешь счастье обрести».

Король и шут

Холодным утром, кутаясь в халате,
Король с горшка к окошку подошел,
И вид открывшейся ему из замка стати,
Все дерзновенные надежды превзошел.

Вдали, раскинувшись дугой широкой,
В лесах, на реках и заснеженных полях,
Сплелись картины ренессанса и барокко,
В многообразии эмоций, пышных вензелях.

Морозный воздух, как хрусталь, прозрачен,
Река струится резво подо льдом,
Безлистый лес стоит, ничуть не мрачен,
Мышиный писк на поле под скирдом.

Холмы сугробов белых, словно вата,
Своею пышностью затмили свежий хлеб,
Тростник, сквозь лед торчащий виновато,
Под брызгами морозными окреп.

Под снегом сосны вековые в два обхвата,
Зеркальный отблеск в санных бороздах,
И надпись на снегу мочой витиевато,
Под окнами дворца: «Король мудак!»...

«Что? Кто? Найти! Поймать!» —
Взревел король голодным чревом,
«То, чем писали – оторвать!»
Добавил он, объятый гневом.

«Злодея к вечеру изобличить!
Подлец, обгадил наше пробужденье.
Под стражу негодяя заключить,
Коли в уме имеет поврежденье!»

Мгновенно стража разбежалась по двору,
Но не искать врага – от короля укрыться,
Им склоки во дворце всегда не по нутру,
И наплевать им, кто на снег мочится.

Один начальник личной стражи начеку,
Ведь для него писюн – ступень в карьере,
Вот если руки скрутит он бунтовщику,
Тогда хоть в королевский туалет открыты
двери!

Включив на максимум мозги, глаза и нюх,
Узнав, что видела и где ночная стража,
Подробно опросив всех королевских шлюх,
Начальник близко подошел к разгадке эпатажа.

Спустившись под окно, лизнув снежок,
Исследовав загиб струи витиеватый,
Вкруг надписи пройдя еще один кружок,
Теперь он знал, кто есть тут виноватый.

И шапку не сломив, с победным видом,
В покои короля без стука он вошел,
И, наступив на горло внутренним обидам,
Смирненно произнес с поклоном: «Я нашёл!»

Король, немного отошедший от обиды,
Скрывая чувства, рвущиеся изнутри,
Испытывая радость посильней либидо,
Кивнул по-королевски: «Говори».

Начальник, начертав знамение креста,
Чтоб оградить себя от праведного гнева,
Покорно молвил «Сир, моча шута,
А почерк, извините, нашей королевы!»

Дровосек

Рубил однажды дровосек над берегом бревно,
Внезапно вырвался топор, и топором на дно.
Заплакал горько дровосек, согнувшись над
водой,
Никак теперь без топора не справиться
с нуждой.

«О чем ты плачешь, дровосек? – раздался
божий глас,
Могу помочь твоей беде, ответь мне без
прикрас».

«Топор кормилец мой и друг, лежит на дне
реки,
А без него я для семьи, равно, как без руки».

Господь, дослушав, достает топор из-под коряг,
Почти такой, чем дровосек, рубил надысь
 кругляк.
Почти такой, но не такой, а золотой топор,
«Нет – хмуро молвил дровосек, – не мой это
 прибор».

Тогда господь из-под воды, достал второй
топор,
И прочитал у визави в глазах немой укор:
«Был из железа мой топор, а не из серебра,
Не нужно мне и задарма нечестного добра».

Топор железный достает, господь из-под воды,
И под конец урок дает, небесной доброты:
«За то, что ты не захотел нечестного добра,
Бери в награду от меня три этих топора».

И стал с тех пор наш дровосек в большом
достатке жить,
И честным словом он теперь стал крепче
дорожить.
И всё бы было хорошо, но вновь пришла беда:
Его жену, как тот топор, похитила вода.

Сидит опять на берегу, и горько слезы льет,
И перед ним, как в прошлый раз, всевышний
предстает.
«О чем сегодня плачешь ты, о чем ты слёзы
льёшь?

О чем, скажи мне, не таясь, ты горько
вопиёшь?»

«Да как же мне тут не вопить, как не рыдать
навзрыд,
Ведь облик милой мне жены навек рекою
скрыт».
Господь промолвил: «Не беда, восполню я
урон»,
И, не колеблясь, из воды достал Шарлиз Терон.

Душа вдовца, в который раз, судьбой
потрясена,
Ну, а господь в упор спросил: «Твоя это жена?»
И дровосек, потупив взгляд, от наглого лганья,
Скрывая радость, отвечал: «Моя, господь, моя!»

И тут всевышний, закричав, всю рыбу распугал:
«Ведь ты был честным, дровосек, зачем же ты
солгал?»

Мужские логика и честь – особенный предмет,
И вот всевышнему какой дает истец ответ:

«Будь милосерден, господин, представь такой
расклад:
Я отказался от Шарлиз, чему ты был бы рад,
Тогда, как водится, уже, усилив каламбур,
Ты б, ни секунды не смутясь, достал бы
Деми Мур,

И я бы снова отказался, и ты б достал мою
жену,
И тут, когда бы я признался, её б отдал, но не одну!
Ты б мне отдал Терон и Мур, к моей
единственной в придачу,
И я, представив сей расклад, от счастья, как
от горя плачу.

Ну, что я стал бы с ними делать? Не ублажить,
не прокормить,
Все были б четверо несчастны, и я бы с горя
начал пить!
И коли ты, господь, не хочешь, моей семье
несчастной доли,
То не казни, верни жену мне, и я навеки в твоей
воле»...

Ну, чем все это завершилось, пусть каждый
для себя решает,

Судьба вполне в себе спокойно и ложь, и правду
сочетает.
К несчастью, жизнь всего одна, она сложна и
многослойна,
И, если вдруг мужчины лгут, то это к пользе и
достойно.

Национальные противоречия

Случилось что в английском поезде однажды,
Солдат американский возвращался из похода,
И все, чего он в это время очень жаждал —
Найти своей уставшей заднице свободную
колоду.

Но, оказалось, все сидячие места в вагоне,
К несчастью, были заняты. Однако,
Он, к счастью, обнаружил вдруг в салоне,
Напротив женщины сидящую собаку.

«Позвольте, леди, мне присесть» —
Спросил с надеждой он хозяйку,
«А что, Вы видите, здесь место есть?» —
Взглянула леди, как на попрошайку.

«Какие ж люди попадают, однако!» —
Добавила она, цедя слова сквозь зубы.
«Вы что, не видите, что здесь сидит собака?»
Ну, до чего ж американцы и невежливы
и грубы...»

«Но леди, я действительно весьма устал»,
Сказал солдат, сдержав вскипевший гнев,
«Я, между прочим, за свободу вашу воевал»,
Добавил он, от женских слов остервенев.

«К тому ж американцы надоедливы, как
мухи», —
Взгляд леди на воителя смотрел, его не видя,
«Всегда у них забота о своем лишь брюхе,
Им совершенно нет заботы о чужой планиде».

«Послушайте меня, и я люблю собак,
И незачем мне здесь изображать ханжу,
А дома ждут таких же двое бедолаг...
Я вашу суку на коленях подержу».

Тут леди от презрения скривила губы,
И оглядела всех в купе победоносно:
«Нет, вы не только надоедливы, не только
грубы,
Вы все, американцы, попросту, совсем
несносны!»

Вот эта фраза оказалась плодоносной:
Пока народ в купе усиленно сопел,
Солдат ответил на слова молниеносно
Он выкинул в окно собаку и спокойно сел...

У леди нашей шок, от ужаса пропал дар речи...
И тут сидящий рядом англичанин говорит:
«Я не со всем, что сказано, согласен,
но противоречий
У вас, у янки, не отметить не могу, как бритт.

Вы на машине ездите по правой стороне
дороги,
Вы входите в любой рабочий кабинет без стука,
На стол вы невоспитанно и беззастенчиво
кладете ноги,
Да и в окно вы выбросили только что не ту, что
нужно, суку».

Удовольствия жизни

Приходит как-то дедушка невзрачненький
к врачу,
И горько жалуется на свое бессилье:
«Ты извини, сынок, что я по-старчески ворчу,
Но я все чаще над собой вершу насилие.

Когда на первую я залезаю – все нормально,
В порядке пульс, дыхание, не туманит взгляд,
И на второй все тоже, вроде, оптимально,
Колени только изредка предательски дрожат,

На третьей тяжело уже, хоть и терпимо,
И чаще сердце бьется, и в ушах шумит,
И лишь желанием дойти до цели искупимо,
Но чувствую, что близится уже лимит.

И на четвертую взобраться в этом состоянии,
Раз в месяц удается, впрочем, не всегда,
И наплевать на осмеянье и на достоянье,
Внутри трясется все, плоть тоже не тверда».

Врач долго приходил в себя от изумленья,
Такой не каждый день испытываешь шок,
Особенной закалки было поколение!
Да и сейчас еще потенциал у них высок.

«Скажите, дедушка, а сколько же Вам лет?»
«Да семьдесят восьмой годок уж на пороге»...
Врач посмотрел на деда, как на пистолет,
В руках ужасного разбойника с большой
дороги.

«Послушайте, мне только тридцать пять,
А я уж на второй валюсь без всяких сил,
Да я о Ваших удовольствиях, могу лишь
помечтать,
Да я бы с радостью хоть часть из них вкусил»...

«Ты мне сейчас про что рассказывал, сердечный,
А то соображать мне стало тяжеленько»,
«Ну как про что, про женщин же, конечно»,
«А я тебе, сынок, талдычил про ступеньки...»

Неоплаченные счета

Негожа сказка без припева
Не станем правил нарушать:
Жил в Англии король. И королева
Жила, чтоб замок украшать.

Вокруг и около не будем
Ходить, вот сразу суть:
У королевы, без прелюдий,
Была прекраснейшая грудь!

Сэр Ланселот от этой груди
Тащился, как от косяка,
Нет, речь конечно не о блюде,
Но грань была зело тонка.

А, если коротко – о многом
Мог Ланселот в душе мечтать,
Но в жизни под любым предлогом,
Стремился лишь поцеловать.

Сжигаемый опасной страстью
Он к магу Мерлину спешит,
Пусть тот своей волшебной властью,
Хоть что-нибудь наворочит.

«Да нет проблемы! – маг ответил, —
Но это стоит сотню золотых,
Коль не согласен, благодетель,
То поищи подспорья у других».

Сэр Ланселот мгновенно согласился,
Не тот момент был, чтобы возбухать,
Прекрасно понимал, на что он покусился.
Теперь осталось только с дрожью ожидать.

А Мерлин дома откопал,
Раствор, рождающий чесанье кожи,
И на бюстгальтер королеве накропал,
И тоже в ожиданье впал, без дрожи.

Для мага ожидание закончилось быстрее:
Её величество достал ужасный зуд!
Его величество изрёк: «А ну шустрее
Пусть Мерлина в покои приведут»!

Предстал пред королём немедля маг,
И приступил к обследованью кожи,
Заверил – это не крапивница, не рак,
И на симптомы рожи тоже не похоже.

Потом он сделал вывод – странный случай!
Затем заверил короля: «Для антидота
Является незаменимой и весьма могучей,
Слюна на языке у Ланселота».

Теперь уже и Ланселот дождался:
Он час облизывал у королевы груди,
От счастья плакал, выл и наслаждался,
Меняя направление и размах по амплитуде.

Сбылось его заветное желание!
И радости душевной не было предела,
Исчезли все сердечные терзанья,
А плоть от мыслей дерзких затвердела.

Стук в дверь мечтателя на землю опустил:
То дерзкий маг пришел за гонораром!
Глас жадности счастливицу глаза застил,
И заорал он истерично, как объятый жаром:

«Пшёл вон! Презренный чернокнижник!
Как видно, напрочь потерял ты страх,
Не мни, что будто мне – сподвижник!
А королю ты вовсе смертный враг!

Не вздумай на меня пожаловаться где-то,
В петле тогда на дыбе вмиг взлетишь!
Послушай, лучше доброго совета —
Побереги ты свой магический престиж».

Смирено к двери молча пятась задом,
Кляня в душе тщеславья хвастовство,
Маг Мерлин, наконец-то, осознал с досадой,
Что нагло кинул нынче Ланселот его...

Дожливым вечером под всполохи грозы,
Прокравшись мимо дремлющих постов,
Обрызгал Мерлин королевские трусы...
Не оставляйте неоплаченных счетов!

Дорога в рай

Шел человек с собакой по дороге,
Не близок и нелегко оказался путь.
И человек уже с усилием двигал ноги,
Да и собаке не мешало б отдохнуть.

В дороге с ними многое случилось:
И реки поперек, и горы в небеса,
И смерть в попутчики однажды набивалась,
И алые в пути встречались паруса.

Теперь хотелось хоть немного отдохнуть,
Попить из родника, не торопясь поесть...
И тут к оазису друзей подводит путь!
Воистину, и к ним пришла благая весть!

Тяжелые врата, высокая ограда,
Благоухание цветов, журчание ручья,
Наполненные солнцем гроздья винограда,
Прохладный полумрак и трели соловья...

Наш путник у привратника спросил:
«Скажи, любезный, что это такое?»
Ответ привратника невольно грудь сдавил:
«Здесь рай и место со святыми упокая.

Теперь, как истинно почивший в Бозе,
Ты здесь навеки сможешь отдыхать,
Не думать никогда ни о какой угрозе,
Ни по какому поводу теперь не воздыхать».

«Скажи, любезный, неужели это значит,
Что мы немедля можем отдохнуть,
Попить, поесть, поплавать, порыбачить,
И после этого всего слегка вздремнуть?»

«Ты в этом месте всё позволить можешь,
Тебе здесь всё вокруг принадлежит,
Ты можешь пить и есть, пока не изнеможешь,
Но вот с собакой путь сюда закрыт!»

С презреньем рай окинув взглядом,
Наш путник без сомнения продолжил путь,
Бежала с ним его собака рядом,
И не было влечения назад взглянуть.

Честный обмен

Раз, как-то, русский завтракал в кафе,
Ну, кофе, мюсли, хлеб, варенье.
Подходит к русскому американец подшофе,
В игривом залихватском настроенье.

Во рту, как водится, у янки жвачка,
А без нее какой же колорит,
В глазах читается ехидная подначка,
И он с ухмылкой идиота говорит:

«А, правда, русские хлеб с корочкой едят?»
И лопает во рту пузырь из жвачки.
«Ну, правда» – поднял русский от тарелки
взгляд,
По простоте своей, не чувствуя подначки.

«А мы вот корки все в контейнер собираем» —
Американец вновь пузырь надул, —
«Перерабатываем в мюсли и в Россию
отправляем»,
Пузырь во рту презрительно рванул.

Потупил русский взгляд, молчит,
Американец снова жвачку надувает,
Теперь он на варенье пристально глядит,
И удивленья нарочито не скрывает:

«А мы в Америке варенье не едим,
Мы только фрукты свежие употребляем,
А все огрызки, кожуру в контейнере бутим,
Варенье варим и в Россию отправляем».

Пузырь опять рванул во рту,
А с ним терпенье русского рвануло.
Американец преступил опасную черту,
И совесть на приличия рукой махнула:

«А что, скажите, при таком подходе
бережливом», —
Пузырь во рту американца вновь объем
набрал, —
«Вы, янки, после секса делаете
с презервативом?»
Пузырь, как использованный презерватив, опал.

Американец в рот вобрал повисшую резинку,
Нахальный взгляд его немножечко угас,
Автоматически рукой проверил он ширинку,
И с удивлением сказал: «Спускаем в унитаз».

«А мы в России всё в контейнер собираем,
Со схожим этому резиновым утильсырьем,
Потом перерабатываем, в жвачку превращаем,
И вам, американцам, это продаём!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.